

РОМАНОВЫ

ЕКАТЕРИНА

Великая
и ее
семейство

Романовы (Олма Медиа Групп)

Вольдемар Балязин

Екатерина Великая и ее семейство

«Просвещение»

2008

Балязин В. Н.

Екатерина Великая и ее семейство / В. Н. Балязин —
«Просвещение», 2008 — (Романовы (Олма Медиа Групп))

Недовольство императором Петром III в армии было столь велико, что созрел заговор. Душой заговора стал офицер Григорий Орлов и его братья. Петр III был низложен, а его супруга Екатерина провозглашена самодержавной императрицей. Екатерина уверенно и твердо повела за собою государство. Восемнадцать лет, проведенные ею в России, не прошли даром: она хорошо знала страну, ее историю, ее народ. С первых же дней царствования Екатерина проявила необычайную работоспособность и умение подбирать себе знающих и надежных помощников. Ее сын Павел Петрович, унаследовавший престол, отличался дурным характером и редкой способностью вызывать к себе ненависть. Недовольство императором обратилось очередным заговором. Среди заговорщиков был сын Павла, внук Екатерины – Александр. Царствование Александра I продлилось двадцать четыре года.

© Балязин В. Н., 2008

© Просвещение, 2008

Содержание

Коронация и первые годы царствования Екатерины II	5
Граф Григорий Орлов	10
Заговор Василия Миловича	12
Цесаревич Павел и Вильгельмина Гессен-Дармштадтская	17
Казак Пугачев и немец-подпоручик Шванвич	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вольдемар Николаевич Балязин

Екатерина Великая и ее семейство

Коронация и первые годы царствования Екатерины II

1 сентября 1762 года Екатерина выехала в Москву на коронацию.

В пятницу, 13 сентября совершился ее торжественный въезд в Москву. Под звон колоколов и грохот пушек Екатерина ехала по Тверской, убранной гирляндами, украшенной вывешенными коврами и гобеленами, густой зеленью ельника и множеством цветов.

Она ехала в открытой коляске, окруженная эскортом конногвардейцев, вдоль стоящих шпалерами десяти полков, одетых в парадные мундиры и сверкающие каски.

22 сентября в 10 часов утра началась церемония коронации, завершившаяся тем, что Екатерина из Успенского собора прошла в Архангельский и Благовещенский, где прикладывалась к святым мощам и самым почитаемым иконам. Во время ее шествия по территории Кремля полки «отдавали честь с музыкою, барабанным боем и уклонением до земли знамен, народ кричал „ура“, а шум и восклицания радостные, звон, пальба и салютация кажется воздухом подвигли, к тому ж по всему пути метаны были в народ золотые и серебряные монеты».

Коронационные торжества продолжались семь дней.

В первый день в Кремле три часа били фонтаны белого и красного вина, бесплатно угощали жареным мясом, продолжали бросать монеты. То же самое происходило и на седьмой день торжеств, сменив затем официальное празднество – «празднеством партикулярным» в домах московской знати.

Хлебосольная и щедрая аристократия Москвы на сей раз превзошла самое себя – балы, парадные обеды, маскарады, фейерверки и прочие увеселения длились более полугода – с октября 1762 года до июня 1763-го.

Главным распорядителем коронационных торжеств был действительный камергер, генерал-майор и кавалер ордена Александра Невского Григорий Григорьевич Орлов.

В эти же дни все пять братьев Орловых были возведены в графское достоинство, а Григорий, кроме того, был пожалован и званием генерал-адъютанта. На графском гербе Орловых был начертан девиз: «Храбростью и постоянством».

Екатерина начала царствование милостью к недругам и наградами друзьям. Она сразу же встала над дворцовыми партиями и распрями и подобно тому, как была безусловным лидером в удачно проведенном заговоре, стала столь же безусловным принципалом, уверенно и твердо повела за собою государство.

Восемнадцать лет, проведенные ею в России, не прошли даром: она хорошо знала страну, ее историю, ее народ, понимала, с кем и с чем имеет дело, и не строила наивных и беспочвенных иллюзий относительно всего этого. С первых же дней царствования Екатерина проявила необычайную работоспособность – до двенадцати часов в сутки, а при необходимости и более, – умение подбирать себе знающих и надежных помощников, способность быстро и основательно вникать в суть самых разных сложных проблем.

Во внутренней политике она сделала главным принципом рост силы государства, поставив на первое место интересы России. На одном из первых заседаний Сената она узнала о недостаточности денег в казне и отдала собственные средства, заявив, что «принадлежит сама государству, она считает и все принадлежащее ей собственностью государства, и на будущее время не будет никакого различия между интересом государственным и ее собственным». При этом она исходила из принципа превосходства интереса государства над интересом отдельной личности, утверждая: «Еще общество выигрывает, тут на партикулярный ущерб не смотрят».

Позднее Екатерина сформулировала и иные важнейшие принципы своей политики, названные ею «Пятью предметами»: «Если государственный человек ошибается, если он рассуждает плохо или принимает ошибочные меры, целый народ испытывает пагубные следствия этого.

Нужно часто себя спрашивать: справедливо ли это начинание? – полезно ли?» – писала императрица. И, перечисляя «Пять предметов», указывала:

«1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.

2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.

3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную позицию.

4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.

5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед Высшим Существом, перед собой, перед обществом, и нужно ему преподавать некоторые искусства, без которых он почти не может обойтись в повседневной жизни».

Императрица Екатерина II. Художник Ф. С. Рокотов. 1763 г.

Исходя из «предмета пятого», Екатерина видела смысл внешней политики в соблюдении собственных интересов России. Ни от кого не зависящая Россия, преследовавшая только свои «резоны и выгоды, свой авантаж и профит», как тогда говорили, приобрела гораздо большее значение в мировой политике и вскоре добилась наивысших успехов.

Однако достичь этого Екатерине удалось не сразу и не без борьбы с извечной рутинной, политическими противниками и подстерегавшей на каждом шагу угрозой переворотов и заговоров.

Об административной канцелярской рутине весьма красноречиво говорил хотя бы такой факт. На одном из первых заседаний Сената Екатерина спросила, есть ли в Сенате реестр городов? Его не оказалось, хотя Сенат назначал в города воевод. Не было даже карты России. Тогда Екатерина послала сенатского служителя в Академию наук и, дав ему пять рублей, велела купить географический атлас И. К. Кириллова, изданный еще за тридцать лет до того, и подарила его Сенату.

В одном из писем к Понятовскому Екатерина признавалась: «Мое положение таково, что я должна принимать во внимание многие обстоятельства; последний солдат гвардии считает себя виновником моего воцарения, и при всем том заметно общее брожение».

В первые же месяцы нового царствования в среде гвардейских офицеров возник заговор в пользу шлиссельбургского узника Ивана Антоновича. Трое братьев Гурьевых – Петр, Иван и Семен – и Петр Хрущев намеревались освободить Ивана Антоновича и посадить его на российский трон. Заговор был раскрыт, и все участники были сосланы в Якутск и на Камчатку.

Вслед за тем обнаружился заговор против Григория Орлова. Объектами недовольства, нападков и даже готовящихся покушений были две «государственных персоны» – правящая императрица и ее фаворит. Общая опасность еще более сблизила их, и у любовников возникла даже мысль обвенчаться, тем более что еще до убийства Петра III Екатерина допускала возможность брака с Орловым.

Для того чтобы грядущее бракосочетание не казалось чем-то необычным, было решено обнародовать документы о венчании Елизаветы Петровны и Разумовского. Однако, когда посланцы императрицы приехали к Алексею Григорьевичу и попросили показать им соответствующий документ, Разумовский, человек умный, осторожный и не желающий изменения собственного положения, открыл ларец с документами и на глазах у нежданных гостей бросил какие-то бумаги в камин, хотя если бы его официально объявили законным супругом Елизаветы Петровны, то Разумовский был бы уравнен в правах с членами императорской фамилии и получил титул «Императорского Высочества».

Тогда в игру включился поверенный в сердечных делах Екатерины, бывший канцлер, граф Алексей Петрович Бестужев, первым из сановников удостоенный Екатериной II звания генерал-фельдмаршала.

Во время коронационных торжеств в Москве он составил челобитную на имя императрицы, «в которой ее всеподданнейше, всепочтительнейше и всенижайше просили избрать себе супруга ввиду слабого здоровья Великого князя». (То есть цесаревича Павла Петровича.)

Несколько вельмож поставили свои подписи под этой челобитной, но когда дело дошло до Михаила Илларионовича Воронцова, он не только не подписал ее, но тотчас же поехал к императрице и обо всем рассказал ей, заявив, что «народ не пожелает видеть Орлова ее супругом».

Екатерина, как утверждает Дашкова, вняла голосу «народа», представителем которого считал себя Воронцов – канцлер и граф, и сказала, что челобитная была плодом самодеятельности Бестужева и что она не имеет к его инициативе никакого отношения и вовсе не собирается брать в мужья себе Григория Орлова.

Меж тем Григорий Орлов был пожалован германским императором Францем I Габсбургом титулом князя Священной Римской империи, и это вызвало новые опасения, что фаворит может оказаться на троне.

Описанные выше события происходили в Москве, где после коронационных торжеств все еще оставался двор и празднества не затихали, а сменяли друг друга бесконечной чередой. Апофеозом невиданных дотоле сценических действий был грандиозный уличный маскарад, проведенный Федором Волковым по сценарию Хераскова и Сумарокова. Четыре тысячи человек приняли участие в этом действе, названном авторами «Торжествующая Минерва».

Режиссер и организатор этого действия – Федор Волков, разъезжая верхом, во время маскарада простудился и 4 апреля 1763 года скончался.

Основателя национального русского театра похоронили в мужском Спасо-Андрониковом монастыре, в котором за три века перед тем нашел приют и последнее упокоение и основатель русской живописи Андрей Рублев. И когда гроб с телом Волкова опускали в могилу, почти никто не знал, что хоронят не только великого актера, сыгравшего десятки ролей на подмостках

сцены, но и великого заговорщика, чья роль, тайно сыгранная им в истории России, надолго окажется скрытой и от современников, и от потомков.

Не успели похоронить «глубинного» заговорщика Федора Волкова, чуть более полугода назад «замышлявшего» против Петра Федоровича, как тут же объявились новые «заводчики» нового Komplota, на сей раз нацеленного против Григория Орлова. Теперь главой недовольных им стал камер-юнкер и секунд-ротмистр конной гвардии Федор Хитрово, которого Дашкова называла «одним из самых бескорыстных заговорщиков». Хитрово, по неосторожности, поделился своими соображениями о замышляемом заговоре с собственным двоюродным братом Ржевским, рассказав, что им привлечены еще двое офицеров – Михаил Ласунский и Александр Рославлев, оба совсем недавно возведшие Екатерину на престол. Он рассказал Ржевскому, что все они будут умолять государыню отказаться от брака с Орловым, а если она не согласится, то убьют всех братьев Орловых.

Перепуганный Ржевский передал все Алексею Орлову, и Хитрово арестовали.

24 мая 1763 года Екатерина, находившаяся на богомолье в Ростове Великом, направила Василию Суворову секретнейшее письмо о производстве негласного следствия о поступках секунд-ротмистра и камер-юнкера Федора Хитрово, рекомендуя ему «поступать весьма осторожно, не тревожа ни город, и сколь можно никого; однако ж таким образом, чтоб досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова с предпрятием... Впрочем, по полкам имете уши и глаза».

Следствием было установлено, что Хитрово с небольшим числом сообщников видел главного виновника всего происходящего в Алексее Орлове, ибо «Григорий глуп, а больше все делает Алексей, и он великой плут и всему оному делу причиною». Было установлено, что на жизнь Екатерины заговорщики посягать не намеревались, а ограничивались лишь устранением братьев Орловых.

Исходя из всего этого, Екатерина ограничилась тем, что главный заговорщик Федор Хитрово был сослан в свое имение, в село Троицкое Орловского уезда, где и умер 23 июня 1774 года, а его единомышленники Михаил Ласунский и Александр Рославлев были уволены с военной и дворцовой службы в чине генерал-поручика.

И все же Екатерина решилась передать вопрос о своем замужестве на усмотрение Сената. И тогда встал сенатор, граф Никита Панин, воспитатель цесаревича Павла Петровича, и сказал: – Императрица может делать все, что ей угодно, но госпожа Орлова не будет нашей императрицей.

Панина тотчас же поддержал Кирилл Разумовский.

Существовало мнение, что все, произошедшее в Сенате, было подстроено самой Екатериной, и Панин произнес то, что было угодно императрице.

Заговоры против Орлова и Екатерины возникали несколько раз и составлялись то в пользу Ивана Антоновича, то Павла. О заговоре подпоручика Мировича, провалившемся летом 1764 года, подробно будет рассказано дальше. Еще один заговор возник в 1768 году, когда капитан Панов, премьер-майор Жилин и гвардейские обер-офицеры Степанов и Озеров поставили перед собою задачу возвести на трон Павла Петровича. Однако в основе этого заговора лежала не столько нелюбовь к Екатерине, сколько зависть к Орловым и надежда на то, что новый император отомстит убийцам своего отца. Но и этот заговор был раскрыт и виновные оказались в ссылке – в Сибири и на Камчатке.

Еще через два года объявился мнимый сын Елизаветы Петровны, молодой офицер Опочинин, тоже возмечтавший возвести на престол Павла и учинивший для этого «комплот» с другими дворянами, главную роль среди которых играл поручик Батюшков.

Наконец, в 1772 году созрел заговор среди солдат гвардии – и снова в пользу Павла. Старшему из крамольников было 22 года, и Екатерина приговорила всех к пожизненной ссылке в Сибирь.

Граф Григорий Орлов

Разумеется, и сам Григорий Григорьевич, и все его сторонники отлично понимали, что никакие заговорщики им не страшны, пока императрица любит его. А Екатерина отличалась не только пылкостью нрава, но и привязанностью, столь характерной для женщин нежных и любящих по-настоящему.

Ее роман с Григорием Орловым продолжался десять лет прервался не по ее вине – о чем будет рассказано ниже.

А в первые годы после ее вступления на престол их любовь была безоблачной, чистой и крепкой. Да и сам предмет любви Екатерины был достоин того. Вот что писал о Григории Орлове его биограф Голомбиевский: «Природа щедро одарила Орлова. „Это было, – по выражению императрицы, – изумительное существо, у которого все хорошо: наружность, ум, сердце и душа“. Высокий и стройный, он, по отзыву Екатерины, „был самым красивейшим человеком своего времени“. Превосходя красотой, смелостью и решительностью всех своих братьев, Григорий не уступал никому ни в атлетическом сложении, ни в геркулесовой силе. При этом Григорий был несомненно добрый человек с мягким и отзывчивым сердцем, готовый помочь и оказать покровительство, доверчивый до неосторожности, щедрый до расточительности, неспособный затаивать злобу, мстить; нередко он разбалтывал то, чего не следует, поэтому казался менее умным, чем был. Способный, но ленивый, Григорий обладал умом несамостоятельным и глубоким, но чутким к вопросам, которые его интересовали. Схватив на лету мысль, понравившуюся ему, быстро усваивал суть дела и нередко доводил эту мысль до крайности. Часто вспыльчивый, всегда необузданный в проявлении своих страстей, он обладал веселым и ветреным нравом, любил кулачные бои, состязания в беге и борьбе и охоту на медведя один на один».

К этой характеристике Григория Орлова может быть присоединена и еще одна, высказанная английским посланником лордом Каткартом: «Орлов – джентльмен, чистосердечный, правдивый, исполненный высоких чувств и обладающий замечательным природным умом».

Несмотря на то что дождь благоденствий пролился на всех участников переворота, самым обласканным оказался Григорий Григорьевич, получивший кроме того, о чем уже было сказано, две прекрасных богатых мызы, расположенных неподалеку от Петербурга – Гатчину и Ропшу. А помимо этого Григорий Григорьевич получал от императрицы и большие суммы денег, чаще всего выдаваемые ему на именины – 25 января и на день рождения – 6 октября. Екатерина дарила Орлову всякий раз от 50 до 150 000 рублей.

В марте 1763 года Екатерина попросила посланника Австрийской империи графа Мерси ходатайствовать перед императором о возведении графа Г. Г. Орлова в княжеское достоинство с титулом светлости, что и было подтверждено дипломом от 21 июля 1763 года. На следующий день Орлов стал главой Канцелярии опекунов иностранных поселенцев (то есть иностранцев, переселившихся в Россию).

Иностранные поселенцы получали земли в Поволжье, освобождались на тридцать лет от податей, имели право продавать плоды своего труда беспошлинно за границу, заводить торги и ярмарки, строить фабрики и мануфактуры.

К 1769 году только вокруг Саратова в 104 колониях поселилось более 23 000 выходцев из Швейцарии, Германии, Франции, Австрии и других стран. Карта Поволжья запестрела новыми поселениями – Берн, Люцерн, Унтервальден и т. п.

В январе 1765 года Орлов был назначен шефом Кавалергардского корпуса, а 14 марта того же года генерал-фельдцейхмейстером и генерал-директором над фортификациями, заняв сразу две важнейших должности – командующего артиллерией и командующего инженерными войсками.

О всех деловых и служебных качествах Григория Григорьевича и о том, как проявлялись они в конкретных обстоятельствах, мы еще узнаем, а пока перейдем к последовательному пересказу важнейших событий, вернувшись к центральной фигуре – Екатерине Второй.

Заговор Василия Мировича

Подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович, бедный дворянин-украинец, родители которого потеряли свои поместья из-за приверженности Мазепе, долго обивал пороги знатных петербургских земляков, умоляя помочь ему вернуть конфискованное добро. Однажды попал он на прием и к гетману Кириллу Разумовскому. Как показывал потом на допросе Мирович, гетман сказал ему: «Ты, молодой человек, сам себе прокладывай дорогу. Старайся подражать другим, старайся схватить Фортуну за чуб, и будешь таким же паном, как другие».

Отчаявшись добиться желаемого законным путем, Мирович стал подумывать об иных способах поправить дела: то он мечтал о выгодной женитьбе, то пытался выиграть состояние в карты, но Фортуна ловко увертывалась от неудачливого бедного подпоручика.

Осенью 1763 года Мирович случайно узнал, что в Шлиссельбурге томится несчастный экс-император Иван Антонович – сын Антона-Ульриха Брауншвейгского и регентши Анны Леопольдовны. Этого было довольно, чтобы толкнуть его мысли в новом направлении. Всю зиму он обдумывал, каким образом можно было бы осуществить эту «затейку», и решил, что как только наступит его очередь нести караульную службу в Шлиссельбургской крепости, – а Смоленский полк по частям выполнял и такую задачу, – он и осуществит немедленно свой замысел.

Он не знал, что даже если бы его замысел вполне удался, на престол возводить было бы некого: Иван Антонович от строгого многолетнего заключения в одиночных казематах превратился в полусумасшедшего человека, плохо и невнятно говорившего и не знавшего большинства реалий обыкновенной жизни.

В начале июля 1764 года Мировичу была поручена команда из 45 солдат и унтер-офицеров.

В крепости постоянно находилось три десятка солдат при коменданте Бередникове и двух офицерах – Власеве и Чекине. Мирович лишь в самые последние дни перед осуществлением задуманного им дела стал склонять солдат и капралов отряда на свою сторону, зачитывая им подложный манифест и суля богатства и почести наподобие тех, какие получили лейб-компанцы Елизаветы Петровны. Кроме того, он предложил принять участие в заговоре и капитану Власеву, не зная, что именно Власев, согласно секретной инструкции, должен был при попытке освобождения Ивана Антоновича убить царственного арестанта.

Власев мнимо согласился и тут же сообщил о сделанном ему предложении Никите Панину. Мирович не знал и этого, но, почувствовав опасность, решился на немедленные действия. Ночью он собрал свою команду и отдал приказ ворваться в каземат к Ивану Антоновичу.

Солдаты повиновались. Они арестовали коменданта и двинулись к каземату. Однако Власев и Чекин, услышав выстрелы, немедленно исполнили инструкцию, и когда Мирович проник в каземат, Иван Антонович был уже мертв. О подробностях того, каким образом был он убит, свидетельств не сохранилось.

Так закончилась трагическая история царственного отпрыска из Брауншвейгской фамилии. Мировича арестовали, долго допрашивали – сначала в Шлиссельбурге, потом в Петропавловской крепости, – причем следствием и допросами руководил Григорий Орлов, проявивший и здесь известную снисходительность и не позволивший применить пытку. Но Мирович все же был приговорен к смерти и казнен 15 сентября 1764 года.

* * *

Став у кормила власти, Екатерина делала один шаг за другим, укрепляя могущество России как во внутренней, так и во внешней политике.

В 1765 году был издан Манифест о генеральном межевании, которым ставилась грандиозная задача точно определить границы земельных владений помещиков, свободных крестьян, казаков, городов, сел, монастырей, церквей, императорских уделов и всех прочих категорий землевладельцев.

Межевание проводилось до 1843 года, охватив территорию более 300 миллионов гектаров.

Для ускорения прохождения законов в Сенате была проведена реформа, изменившая его структуру: в Петербурге работало четыре департамента, в Москве – два. До того в Москве сенатских департаментов не было, и все вопросы управления и судебных дел решались только в Петербурге. Теперь же почти половина проблем решалась в Москве.

В Россию на льготных и весьма выгодных условиях привлекалось большое число иностранцев-колонистов, которыми заселялись преимущественно южные губернии, где было много невозделанной земли. Важную роль в колонизации играли немецкие переселенцы. В 1764–1774 годах на Волге, между городами Камышином и Саратовом, было образовано более ста немецких земледельческих колоний. Позже сотни немецких колоний появились в Новороссии и Крыму, отвоеванных русскими у татар и турок. Преимущественно это были переселенцы из юго-западных земель Германии – Вюртемберга, Бадена, Пфальца, Гессена, Баварии и Тюрингии. Немецким колонистам принадлежала важная роль в распространении новых для России сельскохозяйственных культур, особенно – картофеля.

Исключительно важное значение имела деятельность по подготовке, а затем по выборам и работе последней в истории России Комиссии об уложении, которая была седьмой по счету, начиная с 1700 года. Все предыдущие комиссии работали над созданием Свода законов, но ни одна не довела дело до конца. Екатерина поставила перед собой задачу такой Свод законов составить.

14 декабря 1766 года был опубликован Манифест о выборах депутатов от всех свободных сословий России для выработки нового Свода законов. Для этого были предусмотрены выборы депутатов в Комиссию об уложении из всех районов государства. Свод законов должны были создавать депутаты, избранные всеми народами и сословиями России, кроме крепостных крестьян, интересы которых представляли их владельцы. Все пять братьев Орловых были избраны депутатами от тех уездов, где были их имения. Григорий Орлов представлял дворян Копорского уезда Петербургской губернии.

Пока шли выборы, Екатерина и ее фаворит отправились в путешествие по Волге. 2 мая их лодки вышли из Твери и поплыли вниз по реке через Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, Чебоксары, Казань и Симбирск, откуда путешественники пересели в экипажи и поехали в Москву.

Во время путешествия по Волге Екатерина осмотрела заводы и фабрики, монастыри и церкви, мастерские и соляные варницы. В Нижнем Новгороде она познакомилась с замечательным механиком-самоучкой Иваном Кулибиным.

В дороге Екатерина размышляла над тем, какие законы могли бы улучшить положение дел в России. Именно в эти дни императрица начала интенсивно разрабатывать свой знаменитый «Наказ» – философско-юридический трактат, основанный на трудах Монтескье «Дух Законов» и Беккариа «О преступлении и наказании», который она чуть позже представила депутатам Уложенной комиссии. Орлов для «Наказа» переводил одну из глав романа Мармонтеля «Велизарий».

Екатерину поразила пестрота отношений, народов, языков, обычаев, костюмов, которые она встречала на каждом шагу.

Екатерина в каждом из городов, в монастырях и селах, попадавшихся ей по дороге, принимала челобитные, выслушивала жалобы, решала различные дела и тяжбы, беседуя с губернаторами и с крестьянами, с попами и купцами, с русскими и инородцами: только в Казани проживало более двух десятков разных народностей.

Из Казани она писала Вольтеру: «Эти законы, о которых так много было речей, собственно говоря, еще не сочинены, и кто может отвечать за их доброкачественность? Конечно, не мы, а потомство будет в состоянии решить этот вопрос. Представьте, что они должны служить для Азии и для Европы, и какое различие в климате, людях, обычаях и самих понятиях!.. Можно легко найти общие правила, но подробности? И какие подробности? Это почти все равно, что создать целый мир, соединить части, оградить и прочее».

22 июня, находясь в Москве, Екатерина сообщила сенаторам, что за время путешествия она получила шестьсот челобитных и почти все они содержали жалобы крестьян на помещиков и споры между иноверными народами о землях.

30 июля 1767 года в Успенском соборе Кремля состоялось торжественное открытие заседаний Уложенной комиссии. В конце церемонии Екатерина вручила генерал-прокурору князю Вяземскому завершённый ею накануне «Наказ», состоящий из 22 глав и 665 статей.

На следующий день 420 депутатов собрались в Грановитой палате, чтобы тайным голосованием избрать маршала комиссии. Маршалом был избран костромской депутат, генерал А. И. Бибиков.

А потом Е. Е. Орлов оказался одним из трех чтецов, которые по очереди читали «Наказ» депутатам.

Депутаты с прилежанием, вниманием и восхищением сие сочинение слушали, а вслед за тем, находясь под сильным впечатлением от всего услышанного, на следующем заседании 9 августа решили поднести императрице новый титул.

Поступило несколько предложений, но принята была редакция Григория Орлова – «Екатерина Великая, Премудрая, Мать Отечества».

12 августа одиннадцать депутатов и маршал Бибиков поднесли Екатерине новый титул, но она поручила от своего имени вице-канцлеру князю А. М. Голицыну сказать так: «О званиях же, кои вы желаете, чтоб я от вас приняла: на сие отвечаю: 1) на «Великая» – о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить; 2) «Премудрая» – никак себя таковою назвать не могу, ибо один Бог премудр; 3) «Мать Отечества» – любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю, быть любимой от них есть мое желание».

Так откорректировала Екатерина верноподданные излияния господ депутатов и своего любимца.

А по окончании аудиенции она сказала:

– Надобно господам депутатам обсуждать и составлять законы, а не заниматься моей анатомией.

14 декабря состоялось последнее заседание Уложенной комиссии в Москве, потом были объявлены каникулы, и следующее заседание было открыто 18 февраля 1768 года в Санкт-Петербурге, после чего Комиссия проработала около года. Закрыта она была из-за разногласий между депутатами и малой эффективности ее работы.

Предлогом же для закрытия послужило то, что осенью 1768 года Турция объявила России войну, и 19 января 1769 года состоялось последнее общее собрание Комиссии, а осталось существовать лишь несколько частных комиссий.

Как и в вопросах политики внутренней, в вопросах политики внешней руководящей «персоной» была сама Екатерина. Первым ее самостоятельным шагом на этом поприще сразу по восшествии на престол было письмо Фридриху II, уведомлявшее, что Россия останется

верна миру с Пруссией, который незадолго перед этим подписал Петр III. Причем письмо Фридриху Екатерина отправила, не сообщив об этом ни одному из русских сановников. Нейтрализовав Пруссию, Екатерина тут же прибрала к рукам Курляндию, герцогом которой был сын польского короля Августа III – принц Карл. По приказу Екатерины в Митаву вошли русские войска, и в начале января 1763 года туда торжественно въехал семидесятидвухлетний герцог Эрнст Бирон со своим старшим сорокалетним сыном Петром, а весной оттуда отбыл польский принц Карл.

* * *

Во время коронационных торжеств Екатерина послала из Москвы в Польшу большую денежную субсидию, приложив к ней и орден Андрея Первозванного, своему старому другу и любовнику Станиславу-Августу Понятовскому, который рассматривался ею как надежный союзник и беспрекословный проводник русских интересов в Речи Посполитой.

В январе 1763 года тяжело заболел польский король Август III, и в предвидении его возможной кончины Екатерина и Фридрих II обменялись письмами по поводу будущего Польши. То же самое делали австрийцы и французы, противопоставляя австро-французскую коалицию русско-прусской и намереваясь посадить на польский трон своего кандидата.

Август III умер 5 октября 1763 года, а уже в начале 1764 года между Россией и Пруссией был заключен военный союз, русские войска вступили в Польшу, и сторонникам Понятовского были выделены огромные денежные субсидии.

7 сентября 1764 года Понятовский был избран королем. Впоследствии Екатерина так объясняла мотивы поддержки ею Понятовского: «Россия выбрала его в кандидаты на польский престол, потому что из всех искателей он имел наименее прав, а следовательно, наиболее должен был чувствовать благодарность к России».

Однако не только король решал судьбу своего королевства: в Польше нашлось множество патриотов, которые отважились выступить против Понятовского и русских войск, чтобы сделать свою родину свободной и независимой. Это были польские аристократы братья Адам и Михаил Красиньские, Юзеф Пулаский, львовский архиепископ Сераковский и другие. 29 февраля 1768 года они создали Конфедерацию, которая стала называться «Барской» по имени города Бар в Подолии (ныне Винницкая область Украины).

Бар был расположен неподалеку от турецкой границы, равно как и города Каменец, Балта, Дубоссары, ныне входящие в состав Украины и Молдавии, а тогда образовывавшие южную приграничную полосу польских владений. Своими союзниками Барские конфедераты считали кого угодно, лишь бы это был враг России. И потому особое место в их планах занимала Турция, как наиболее традиционный и последовательный противник России, хотя один из современников резонно заметил: «Изгнать русских при помощи турок, значит зажечь дом для того, чтобы избавиться от мышей». И все же Турция решилась на войну с Россией, чтобы помешать усилению России в Польше.

Русско-турецкая война началась 25 сентября 1768 года, после того как в Константинополе был арестован российский посол Обрезков. Однако случилось это не сразу, а после того, как началось восстание Барских конфедератов, и Понятовский 26 марта обратился к Екатерине с просьбой о помощи.

На подавление восстания весной 1768 года двинулись крупные контингенты русских войск под командованием генералов Апраксина, Кречетникова и Прозоровского.

13 июня Кречетников занял Бердичев, полностью разграбив богатейший католический монастырь Босых Кармелитов, взятый после трехнедельной осады. В конце июня отряд Апраксина взял Бар, а затем Прозоровский двинулся на Львов и у местечка Броды нанес конфеде-

ратам сильное поражение, после чего дивизии Апраксина и Прозоровского вошли в Великую Польшу и овладели Краковом.

После того как русские казаки заняли Балту и Дубоссары, где погибло множество турок, татар и молдаван, султан сначала потребовал убрать российские войска от границы, потом – из Подолии, а затем уже и из всей Польши.

Эти условия для России были, конечно же, неприемлемы и потому отвергнуты. Тогда 25 сентября 1768 года Турция объявила России войну.

К 1769 году в военных действиях принимало участие 150-тысячное войско. В 1769 году русские войска заняли турецкие крепости Хотин и Яссы, а русский флот из 97 кораблей вошел в Средиземное море. Им командовал «генералиссимус и генерал-адмирал всего Российского флота» Алексей Орлов. 25 июня 1770 года русский флот под его командованием нанес сокрушительное поражение турецкому флоту в Чесменской бухте Хиосского пролива. Было уничтожено 68 кораблей и около 10 тысяч моряков. В честь этой победы Алексей Орлов стал именоваться «Чесменским». А в июле армия фельдмаршала Румянцева в битвах при реке Ларче и реке Кагуле наголову разгромила турецкую армию.

Через год генерал-аншеф, князь Василий Долгоруков прорвался в Крым и поставил на колени вассальное от Турции Крымское ханство. Тогда же под Бухарестом князем Репниным был разбит большой отряд Ахмата-паши. Все это привело к тому, что в ноябре 1772 года был подписан договор с Крымским ханом Сахиб-Гиреем о переходе Крыма из-под власти Турции под власть России.

Именно в это время серьезные изменения произошли и в личной жизни императрицы: закатилась звезда Григория Орлова и меньше чем на два года возшла звездочка нового ее любимца – конногвардейского поручика Александра Васильчикова.

Екатерине шел сорок четвертый год, а тихому, скромному, бескорыстному фавориту Васильчикову почти в два раза меньше. Он тут же был пожалован флигель-адъютантом и камергером и в этом качестве принял участие в семейных торжествах государыни, когда ее сын – Великий князь и наследник престола Павел Петрович – праздновал свое совершеннолетие и свадьбу с Гессен-Дармштадтской принцессой Вильгельминой.

Цесаревич Павел и Вильгельмина Гессен-Дармштадтская

29 сентября 1773 года в Петербурге торжественно отмечалось совершеннолетие Павла Петровича – ему накануне исполнилось девятнадцать лет – и одновременно праздновалась его свадьба с восемнадцатилетней Гессен-Дармштадтской принцессой Вильгельминой, ставшей в России Великой княгиней Натальей Алексеевной. Невеста не была первой любовью Павла, хотя следует признать, что серьезных увлечений у него еще не было.

Юный цесаревич увлекался то одной фрейлиной, то другой, о чем доверчиво рассказывал своему воспитателю Порошину. Павел даже сочиняет стихи в честь одной прелестницы:

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня,
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединя.

Несмотря на рано пробудившуюся в нем чувственность, Павел долго сохранял некоторую стыдливость и целомудрие.

С годами, не без влияния опекавших его фаворитов матери, увлечения Павла стали не столь платоническими.

А когда он из подростка превратился в юношу, его ухаживания за фрейлинами и смазливими дворцовыми служанками начали беспокоить Екатерину и заставили ее подумать о том, чтобы женить возмужавшего сына.

Екатерина стала подыскивать невесту сыну еще в 1771 году. После долгих поисков решено было остановиться на Вильгельмине, и не только потому, что она была хороша собой, умна и обходительна, но еще и потому, что ее сестра Фредерика была женой наследника прусского престола Фридриха-Вильгельма. Впрочем, приятная наружность и обходительность сочетались в Вильгельмине с холодностью, честолюбием и настойчивостью в достижении цели.

В апреле 1773 года Екатерина пригласила Дармштадтскую герцогиню Генриетту-Каролину – мать Вильгельмины – приехать в Петербург с тремя дочерьми, чтобы познакомиться с будущими родственниками. И мать, и дочери были бедны, и потому Екатерина выслала для предстоящего путешествия 80 тысяч гульденов и, кроме того, отправила в Любек три корабля.

На одном из них – корвете «Быстром» – капитаном был один из ближайших друзей цесаревича девятнадцатилетний капитан-лейтенант граф Андрей Кириллович Разумовский, любимый сын гетмана Разумовского.

Н. Деланвер. «Цесаревич Павел Петрович в адмиральском мундире». 1769 г.

Несмотря на свой юный возраст, Андрей был искушен в жизни и уже многое успел сделать и пережить. Обладая блестящими способностями, он в семнадцать лет окончил Страсбургский университет, тотчас поступил во флот и вскоре отправился в Архипелагскую экспедицию с эскадрой адмирала Свиридова. Он участвовал в Чесменском бою, после чего был назначен командиром фрегата «Екатерина». Возвратившись в Петербург, Разумовский стал

камер-юнкером и попал в ближайшее окружение Павла. Встреча невесты цесаревича была одним из первых серьезных поручений молодого придворного – красивого, статного и самоуверенного, без труда кружившего головы многим светским барышням.

Еще до начала морского перехода Андрей Разумовский сумел покорить невесту своего друга цесаревича, который ему безгранично верил и считал вернейшим своим товарищем. Впрочем, кажется, и он искренне влюбился в Вильгельмину.

Однако принцессу, ее мать и сестер пригласили не на «Быстрый», а на один из других кораблей, и, разумеется, сделано это было не случайно.

В пути от Любека к Ревелю, где заканчивалось морское путешествие и откуда Гессен-Дармштадтское семейство должно было далее следовать в Петербург сухим путем, их встретил камергер барон Черкасов. К несчастью для Андрея Разумовского, его корабль не оправдал названия и на несколько суток отстал от двух других кораблей. Черкасов, узнав о подозрениях придворных относительно Вильгельмины и Разумовского, поспешил с отъездом, не дожидаясь, пока «Быстрый» придет в Ревель.

15 июня, неподалеку от Гатчины, герцогский поезд встретил Григорий Орлов и пригласил дорогих гостей к себе в поместье отдохнуть с дороги и пообедать, сказав, что у него в доме их ждут несколько дам.

В Гатчине их действительно ждали: это были сама Екатерина и сестра фельдмаршала Румянцева графиня Прасковья Александровна Брюс. Из Гатчины все они поехали в Царское Село, встретив по дороге цесаревича и его воспитателя Никиту Панина. Пересев в восьмиместный фаэтон, компания наконец прибыла в отведенные для гостей апартаменты.

Павел влюбился в Вильгельмину с первого взгляда, и через три дня Екатерина официально попросила ее руки для своего сына у герцогини Генриетты.

15 августа произошло миропомазание принцессы Вильгельмины, принявшей православное имя Натальи Алексеевны, а на следующий день – ее обручение с Павлом Петровичем. А через полтора месяца состоялась и свадьба, продолжавшаяся с необычайной пышностью две недели.

Несмотря на блеск великого празднества, в первый же день свадьбы, 29 сентября 1773 года, многие стали предекать новой семье несчастье, ибо именно в этот день в Петербурге впервые распространился слух о появлении в Оренбургских степях мятежных шаек Пугачева, назвавшего себя Петром III. Каково было слышать все это цесаревичу Павлу Петровичу!

Казак Пугачев и немец-подпоручик Шванвич

А теперь, оставив на время Петербург, перенесемся на бунташный Яик, где в самом конце 1772 года, в шестидесяти верстах от Яицкого городка (точнее Верхнего Яицкого городка, так как был еще и Нижний Яицкий городок; теперь первый из них носит название Уральск, а второй – Гурьев), в одинокой хижине на Таловом Умете, – глухом постоялом дворе, хозяином которого был наивный и простодушный пахотный солдат Степан Оболяев, носивший прозвище Еремина Курица, – некий странник объявил, что он не кто иной, как император Петр Федорович.

Как только об этом стало известно в Петербурге, в Военной коллегии идентифицировали персону самозванца с беглым донским казаком Емельяном Ивановичем Пугачевым.

Оказалось, что он был уроженцем Зимовейской станицы на Дону, той самой, где полтора столетия назад родился и Степан Разин. В документах не сохранилась точная дата его рождения, считали, что к моменту своего самозванства было ему около тридцати лет. С восемнадцати лет служил он в армии, принимал участие в Семилетней войне и в русско-турецкой. За «отличную проворность и храбрость» в 1770 году был произведен в хорунжие, но вскоре из-за болезни отпущен домой. Однако в Зимовейской Пугачев не усидел и ушел странствовать. Он побывал в Таганроге, в Черкасске и наконец добрался до Терека. Оттуда, по поручению терских казаков, Пугачев отправился в Петербург, чтобы передать в Военную коллегию просьбу об улучшении их положения и увеличении хлебного и денежного жалованья. Не успев сделать и нескольких верст, он был арестован в Моздоке, но на четвертый день из-под ареста бежал. Едва он добрался до Зимовейской станицы, как его снова арестовали, но и на этот раз ему удалось бежать. Он отправился в раскольничьи скиты на реке Сож, а оттуда – за Волгу, в дворцовую Мальковскую волость, на реку Иргиз, где также обосновались раскольники. Но и там он не задержался, а двинулся на Яик и, добравшись до Талового Умета, объявил себя чудесно спасшимся от смерти императором Петром III, готовым помочь солдатам, казакам, раскольникам, крестьянам – всем, кого называли «черным, подъяремным людом», – хотя бы немного улучшить их беспросветную жизнь.

Сначала в тайну Петра Федоровича были посвящены немногие, потом слух о нем распространился по всему Яику.

17 сентября 1773 года на хуторе казака Михаила Толкачева первые восемьдесят казаков, татар и башкир принесли присягу на верность Петру Федоровичу, и он повел их к Яицкому городку. Крестьянская война началась.

По дороге в плен к восставшим попал сержант Дмитрий Кальминский, объезжавший форпосты с приказом арестовать самозванца. Казаки хотели повесить Кальминского, но Пугачев простил его и назначил писарем. Так на службе у самозванца в первый же день Крестьянской войны появился дворянин.

В последующем еще несколько дворян оказались в лагере Пугачева, но, как правило, их переход к самозванцу не был добровольным и объяснялся страхом за свою жизнь.

Так случилось и с подпоручиком Михаилом Александровичем Шванвичем, сыном Александра Мартыновича Шванвича, о стычках которого с братьями Орловыми было рассказано в предыдущих главах.

Судьба Михаила Шванвича, участника Пугачевского бунта, не имеет прямого отношения к главной теме этой книги, но она интересна хотя бы потому, что сам Пушкин сделал подпоручика действующим лицом трех своих произведений: «Истории Пугачева», «Замечаний о бунте» и «Капитанской дочки». В последней повести Шванвич послужил прототипом Алексея Швабрина.

...Михаил Шванвич был вторым сыном лейб-компанца Александра Шванвича, женатого на немке Софье Фохт. Он родился в 1755 году, и по просьбе отца крестной матерью новорожденного стала 46-летняя императрица Елизавета Петровна, воспреемница и Александра Шванвича.

Получив неплохое домашнее образование и выучив «указные науки: по-русски, по-французски, по-немецки читать и писать, также часть математики, фехтовать, рисовать и манежем ездить», Михаил пошел на военную службу, вступив в старый, боевой петровский Ингерманландский карабинерный полк. Там дослужился до чина вахмистра. В 1770–1771 годах Шванвич принял участие во Второй турецкой кампании, побывав однажды в жарком бою под Негоштами, после чего попал в ординарцы к генералу Григорию Александровичу Потемкину – будущему фавориту Екатерины II и будущему Светлейшему князю и генерал-фельдмаршалу.

В сентябре 1773 года Шванвича с ротой гренадер отправили в Симбирск для приема и отвода рекрутов. Но на пути в Симбирск, в Муроме, командир роты поручик Карташов получил приказ «с крайним поспешанием идти в Казань». Затем маршрут следования изменили еще раз, приказав двигаться к Оренбургу – центру пугачевского бунта.

К этому времени в Петербурге только-только узнали о происшествиях на Яике и посчитали, что начавшиеся «замятия и гиль» – обычное казацкое «воровство», не очень-то и грозное. Исходя из этого, правительство приказало обезвредить мятежников собственными силами, пообещав за голову Пугачева 500 рублей. (Позже эта награда выросла до 28 тысяч.)

В сентябре пугачевцы взяли полдюжины небольших крепостей, а в начале октября блокировали Оренбург.

На помощь осажденным вышел карательный отряд генерала Василия Кара численностью в 3500 человек при десяти пушках, но в трехдневном бою 7–9 ноября под деревней Юзеевой был разбит восставшими и бежал, за что генерал был уволен со службы с запрещением жить в столицах.

В этом же районе оказалась и рота поручика Карташова, в которой служил Михаил Шванвич.

Рота сдалась без боя. Карташова и еще одного офицера пугачевцы казнили тут же, а сдавшихся на их милость поручика Волженского и подпоручика Шванвича доставили вместе со всеми солдатами в село Берду, где сам Пугачев, узнав, что Волженский и Шванвич любимы солдатами, велел первому быть атаманом, а второму – есаулом и «быть над гренадерами, так, как и прежде, командирами».

Гренадеры присягнули Пугачеву на верность и поочередно приложились к его руке. Вместе с ними сделали то же самое и их командиры – атаман Волженский и есаул Шванвич.

Пугачев побеседовал со Шванвичем и, узнав, что тот знает немецкий и французский языки, велел вновь испеченному есаулу заведовать в его канцелярии иностранной перепиской.

Шванвич участвовал в бунте почти до самого конца, и по судьбе пленного подпоручика можно проследить ход пугачевского восстания. Вместе с Пугачевым Шванвич принимал участие в полугодовой осаде Оренбурга, под стенами которого сосредоточилось до 25 тысяч мятежников при 86 пушках. А вокруг Оренбурга – в Казанской губернии, Западной Сибири, Западном Казахстане и Башкирии – действовали крупные отряды сторонников Пугачева.

В декабре 1773 года на подавление восстания был двинут отряд генерал-аншефа Александра Бибикова численностью в 6500 солдат и офицеров при 30 орудиях. Бибиков разбил отряды повстанцев под Самарой, Кунгуром и Бузулуком и двинулся к Оренбургу.

В это трудное для Пугачева время Шванвич, в противоположность другим офицерам-дворянам, оказавшимся в рядах повстанцев, сохранял верность самозванцу.

В феврале 1774 года Шванвич из есаулов был произведен в атаманы и командиры солдатского полка вместо Волженского, казненного пугачевцами за подготовку «изменнического действия»: Волженский и еще один бывший офицер, Остренев, решили заклепать пушки бун-

товщиков и тем самым вывести их из строя. Их разоблачили и приготовили к повешению. После казни Волженского и Остренева атаман Шванвич командовал всеми солдатами, согласившимися служить Пугачеву, и таким образом оказался в одном ряду с другими пугачевскими атаманами и полковниками. Закончил же он свою карьеру в армии Пугачева секретарем Военной коллегии – высшем органе руководства повстанческим войском. В марте 1774 года отряды Пугачева были разбиты под крепостью Татищевой, и, узнав об этом, Шванвич бежал в Оренбург и сдался на милость губернатора Рейнсдорпа.

По иронии судьбы, Рейнсдорп учился в Академической гимназии у деда Шванвича и был хорошо им аттестован. Рейнсдорп, не вдаваясь в подробности о службе Шванвича у Пугачева, снова привел его к присяге и отправил служить в отряд князя Голицына. Однако князь, узнав о службе Шванвича у бунтовщиков, велел посадить его в тюрьму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.